

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-162-177>
<https://elibrary.ru/LSYILA>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Наброски С.А. Есенина: к истокам творческих замыслов поэта¹

© 2023, А.А. Николаева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01173 «Рукописное наследие С.А. Есенина: Проблемы изучения» (<https://rscf.ru/project/23-28-01173/>).

Аннотация: В статье впервые комплексно проанализированы черновые записи слов и стихотворных строк С.А. Есенина, которые сохранились на листах в черновой тетради поэта (1917–1919), обгоревшей при пожаре в Константинове в 1929 г. Данная черновая тетрадь уникальна и занимает особое место в рукописном наследии Есенина, который не вел записных книжек и дневников. Установлены смысловые и образные переключки текста «[<нрзб.> твою мне чашу...]» и стихотворения «Серебристая дорога...» (1917), что позволяет рассмотреть набросок как первоначальный вариант произведения, который отражает изменение авторского замысла и выявляет библейские источники текста. Рассмотрен неосуществленный замысел произведения «Дева Мария» в контексте творчества Есенина и обнаружена его связь со стихотворением «О Матерь Божья...» (1917). В набросках выявлены характерные для поэтики революционного периода образы, связанные с православными мотивами (зари-молитвенника, звезды-свечи); метафоры, основанные на загадке, цветовой идентичности, многозначности слова; герои (Богоматерь, муза); один из ведущих в этот период мотив пути и типичный для лирики 1917–1919 гг. хронотоп (осенняя ночь). Сопоставление образно-мотивного комплекса, ритмики, приемов, хронотопа черновых записей и произведений этого периода обнаруживает связь поэтики набросков с законченными текстами Есенина. Изучение набросков доказывает: даже краткие записи Есенина свидетельствуют о том, как тщательно поэт обдумывал образно-мотивный комплекс своих произведений.

Ключевые слова: С.А. Есенин, наброски, черновая тетрадь, поэтика.

Информация об авторе: Алла Александровна Николаева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Есенинской группы, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

¹ Автор благодарит сотрудников группы изучения жизни и творчества С.А. Есенина Н.И. Шубникову-Гусеву, С.И. Субботина, Т.К. Савченко, М.В. Скороходова, С.А. Серегину, Е.С. Апалькову за материалы к энциклопедическим статьям о произведениях поэта, выполненных по государственному плану ИМЛИ РАН.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4323-5868>

E-mail: allanikolaeva27@mail.ru

Для цитирования: Николаева А.А. Наброски С.А. Есенина: к истокам творческих замыслов поэта // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 162–177. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-162-177>

Среди рукописного наследия С.А. Есенина особую группу занимают черновые наброски, сделанные поэтом. Согласно словарю, набросок — «то, что составлено, намечено, написано лишь предварительно, в общих чертах» [12, с. 329], «главное назначение наброска — быстрая фиксация отдельных наблюдений и замыслов в процессе текущей работы художника» [1, с. 189]. Наброски поэта отражают творческие замыслы Есенина и связаны с его произведениями.

В Полном собрании сочинений С.А. Есенина (1995–2001) в разделе «Рукою Есенина» выделена группа «Черновые наброски и другие материалы творческого характера» [4, т. 7 (2), с. 58–105]. Все материалы относятся к 1914–1925 гг. Сюда вошли, прежде всего, черновые записи слов и стихотворных строк (нередко с правкой поэта), предназначенных для неосуществленных или найденных произведений Есенина. Известные наброски немногочисленны: согласно воспоминаниям И.И. Старцева, «у Есенина была своеобразная манера в работе. Он брался за перо с заранее выношенными мыслями, легко и быстро облекая их в стихотворный наряд. Если это ему почему-либо не удавалось, стихотворение бросалось» [13, с. 412].

Предмет нашего изучения — наброски, сохранившиеся на листах в черновой тетради поэта, обгоревшей при пожаре в Константинове в 1929 г. Они хранятся в отделе рукописей ИМЛИ (Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 11, 14–19, 21, 22) и до сих пор не изучены. Время заполнения тетради 1917–1919 гг. — особый этап творческой биографии Есенина: «С марта 1917 г. резко меняется не только содержание, но и образность, стиль, ритм, весь поэтический строй есенинских произведений. Наступает революционная полоса в жизни и творчестве поэта» [6, с. 8]. Черновая тетрадь 1917–1919 гг. уникальна: известно, что Есенин не вел записных книжек, дневников, сохранению черновиков не придавал значения — в письме В.С. Чернявскому из Константинова (после 12 или 13 июня 1915 г.) признался: «Черновики у меня, видно, никогда не сохранятся. Потому что интересней ловить рыбу и стрелять, чем переписывать» [4, т. 6, с. 71].

Края рукописей пострадали очень сильно, поэтому в некоторых случаях концы или начала строк не читаются вообще или читаются предположительно. Среди уцелевших фрагментов мы выделим около 10 (?) набросков неизвестных стихотворений или записей слов. В большинстве случаев эти фразы и слова зачеркнуты, мы будем их обозначать по первой строке. При этом есть слова, строки и целые фразы, не имеющие правки, но их значительно меньше. В комментариях к Полному собранию сочинений они определяются как отдельные записи, заготовки к неизвестным произведениям или отрывки/строки из них, про многие сказано: «Работа над стихотворением, видимо, не была продолжена»; «О дальнейшей работе над стихотворением ничего не известно» (см.: [8]).

Записи неизвестных произведений представлены с двух сторон: «[<нрзб.> твою мне чашу...]» и на обороте «Уведи куда ты знаешь...»; «[О] Строгие равнины...» и на обороте «[Взг...]»; «Колесом на черную дорогу...» и на обороте «[разывайте же зовите...]»; «Эти ночи, эта свежесть...» и на обороте «[солнце...]». Не всегда можно установить, относятся ли эти фрагменты к работе над одним произведением или отражают работу над разными стихотворениями. В первом случае очевидно, что это одно произведение, видна работа над поиском нужной формулировки: «Зазывай куда ты знаешь» / «Уведи куда ты знаешь» [4, т. 7 (2), с. 66]. На этот факт указывает и расположение строк (до конца листа с одной стороны и в верхней части на обороте). Отметим, что далее на обороте листа приведен набросок состава сборника «Преображение». Во втором случае поэтика набросков не совпадает: художественное пространство фрагмента с одной стороны листа включает «равнину», «прозрачную воду», «кустарник»; отрывок на обороте описывает сельскую дорогу ночью. Значительная часть листа после каждого наброска пустая. При этом время действия одинаковое — ночь, на что указывают слова «звезда» (в первом случае) и «месяц» (на обороте). Третий лист этой группы, скорее всего, содержит фрагменты разных произведений, т. к. явные смысловые переключки в набросках отсутствуют. На четвертом листе с обеих сторон присутствует слово «свежесть», однако время действия различно, о чем свидетельствуют слова «ночь» (в первом случае) и «солнце» (на обороте). Каждый набросок исполнен в верхней части листа. На обороте также приведены два наброска состава раздела сборника «Преображение».

В ряде случаев кроме наброска на листе или его обороте написаны известные стихотворения Есенина (или их заготовки) или приведены перечни его произведений. Набросок «Райские селения»

написан на обороте финальных строк стихотворения «Зеленая прическа». Отрывок «[осень холодную муза, бродя по <дорогам>...]» исполнен на обороте черного автографа стихотворения «Зеленая прическа» в верхней части листа, ниже приведен еще один набросок состава сборника «Преображение». Зачеркнутая строка из неизвестного стихотворения «Тихой песней поселянина» написана в верхней части листа с черновиком стихотворения «Отвори мне, страж заоблачный...» и отделена от него значительным пробелом; на обратной стороне — набросок «[вечереет...]». На обороте листа с наброском начала стихотворения, имеющего заголовок «Дева Мария», написано отдельно слово «Телец» и через значительный пробел приведен набросок плана пьесы (?) или сценария (?) о росписи стен монастыря. В верхней части оборота листа с наброском «<Ра>йское селение» приведены слова без правки «И мыслил, и читал я // По библии», вошедшие потом в стихотворение «О пашни, пашни, пашни...» (1917).

Поэтика сохранившихся в тетради 1917–1919 гг. набросков и произведений Есенина этого периода схожа. Комментируя наброски, С.П. Кошечкин предположил, что «[<нрзб.> твою мне чашу...]» является первоначальным наброском стихотворения «Серебристая дорога...» (1917), о чем свидетельствуют его метрика и смысловые переключки [8, с. 66]. Литературовед также отметил тематическую связь наброска плана пьесы (?) или сценария (?) о росписи стен монастыря с четверостишием «Вот они, толстые ляжки...» [8, с. 70]. Возникает необходимость более внимательно рассмотреть наброски Есенина. Анализ подобных записей современника поэта В.В. Маяковского обнаруживает связь между законченными произведениями и художественным текстом, находящимся в процессе работы:

Записная книжка Маяковского — это своеобразный целостный документ, и интересен он именно сочетанием творческих записей, черновых, а часто и беловых фрагментов произведений со свидетельствами повседневной работы над ними. <...> Психология творчества раскрывается в них с такой ясностью, которой никакие предыдущие исследования не давали. Мы видим движение мысли, этот импульсивный, очень эмоциональный ход работы. Это не то, что сел человек писать стихи и написал. Здесь именно рождение, становление стиха [14].

На наш взгляд, относительно наброска «[<нрзб.> твою мне чашу...]» исследователь был прав, тем более что в тетради сохра-

нился черновой автограф стихотворения «Серебристая дорога...». В наброске, несмотря на отсутствие образа зимней дороги, есть обращение («[Уведи] Зазывай куда ты знаешь»), соотносимое с начальными словами стихотворения: «Серебристая дорога, // Ты зовешь меня куда?» [4, т. 1, с. 126]; угадывается хронотоп («Но под солнцем золотым // [Все равно с весной растаешь]»). В то же время мы считаем важным обратить внимание на образы, не вошедшие в окончательный текст. Это образ гостя, один из ключевых в творчестве Есенина революционного периода — времени заполнения черновой тетради: ««Светлый Гость» Есенина <...> Это Христос преобразившийся, принявший в себя, говоря словами поэта, “вечно светящийся Фавор”, несущий миру обещанное спасение и новую благовест» [2, с. 44]. Образ светлого гостя является центральным в поэме «Преображение» (1917), возникает в поэмах «Иорданская голубица» (1918), «Инония» (1918), стихотворениях «Разбуди меня завтра рано...» (1917), «Хорошо под осеннюю свежесть...» (1918). С образом светлого гостя связаны и начальные слова наброска — «[<нрзб.> твою мне чашу] // Мне полной чашей // нести // [помоги пройти]», отсылающие к крылатому выражению из Священного Писания: «Да минует меня чаша сия». Эти слова произносит Христос, зная, что его ждет казнь. Таким образом, набросок свидетельствует о двух важных для понимания стихотворения моментах. Во-первых, в нем прослеживаются очевидные параллели между лирическим героем и Христом. В стихотворении «Серебристая дорога...» явных отсылок к Евангелию уже нет, но возникают мотивы избранности и зова судьбы. Попутно отметим, что анализ черновика драматической поэмы «Пугачев» показал, что в вариантах реплик главного героя также есть немного измененные слова Иисуса из Евангелия. Это сближает Пугачева с Христом и обнаруживает «библейский» подтекст произведения [16, с. 169–188]. Во-вторых, набросок отражает замысел иного начала стихотворения, где должно было быть заявлено намерение лирического героя-избранника исполнить свое предназначение, подобно Христу. В окончательном же варианте стихотворение начинается с риторического вопроса, вводящего тему выбора дороги как метафоры жизненного пути, связанного в т. ч. и с религиозно-философской метафорой жизни как пути к Богу. Так, А.Н. Захаров отмечает, что в творчестве поэта «наряду с обычной горизонтальной дорогой появляется мифологический образ “вертикального” пути в небо» [5, с. 45]. Кроме того, «концепция пути всегда связана с тайной спасения. Путь — как дирекция, как направление ускоренной трансформации в реализации собственной

ценности. <...> Часто путь, дорога, встреча может символизировать судьбу. Судьба — путь, с которого нельзя свернуть» [17, с. 407–408]. В то же время набросок, как и вторая строфа стихотворения, отражает сомнение лирического героя, и первоначальная просьба «[помоги пройти]» трансформируется: «[помоги тебя оставить] // <...> // [Все равно с весной растаешь]», а финал свидетельствует о его опасениях, связанных с возможной трагической судьбой («Уведи куда ты знаешь // [Где бы сгибнуть не пр<ишло>]»). Так уже в наброске возникает мотив смерти. Этот мотив также был отчетливо заявлен в черновом автографе стихотворения: «Иль безумья тмишь огонь // Или в смерть [введешь] ведешь меня» [4, т. 1, с. 326]. В окончательном тексте стихотворения поэт оставил лишь предчувствие трагического конца, на что указывает образ «жесткого снега».

Поэтика произведений Есенина революционного периода особая:

Есенин после революции, чтобы передать грандиозность происходящих событий и постичь смысл свершившегося, стал широко обращаться к сопоставлениям и параллелям христианско-мифологического порядка. Это приводит поэта к необходимости в новых, вселенских масштабах изображать бытие и различные явления природы. Поэтому у него очень часты образы неба, звезд, луны, солнца, туч и т. д., для создания которых используется загадка-метафора [7, с. 225].

В рассматриваемых нами набросках встречаются образы, связанные с православными мотивами. Это образ вечерней зари в наброске «<Ра>йское селение» <1917>, характерный для творчества Есенина этого периода:

Вечер библиею красной
Колыхался на воде.
[помню помню]
I Ах урок псалмов красивых
II Ах таких стихов красивых [4, т. 7 (2), с. 63].

Схожая метафора — в стихотворении «О верю, верю, счастье есть!..» (1917): «Заря молитвенником красным // Пророчит благостную весть» [4, т. 1, с. 128]. Этот образ также повторится в маленькой поэме «Сельский часослов» (<1918>): «О звезды, <...> // Капающие красным воском // На молитвенник зари» [4, т. 4, с. 175–176]. Во всех

случаях употреблен эпитет «красный», связанный как с отражением реальных деталей природного мира, так и с метафорическим осмыслением исторических событий — произведения являются откликом на революцию 1917 г. По наблюдению современного исследователя,

...заря у Есенина — не объект молитвы, а только посредник — молитвенник, она — одно из связующих звеньев между человеком и Богом, между двумя мирами. <...> человек, глядя на ее красоту, ее неземные краски, вспоминает о Творце, и молитва как бы *сквозь зарю* восходит к Богу [9, с. 628].

В наброске упомянут не молитвенник — сборник молитв, а Библия, но дальнейшее уточнение («Ах урок псалмов красивых») отсылает к определенной части Библии, Псалтири, сборнику священных молитвенных песен. В более ранних произведениях поэта встречаются метафоры, подчеркивающие «космическую литургию»: «С голубизны незримой кущи // Струятся звездные псалмы» [4, т. 1, с. 44]; «Но сзовет нас из псалтири // Заревой заре псалом» [4, т. 1, с. 98]. В то же время образ из наброска переключается с еще одним из стихотворения «О пашни, пашни, пашни...» (1917): «И мыслил и читал я // По библии ветров» [4, т. 1, с. 121]. Более того, эти слова, как уже отмечалось, почти полностью приведены на обороте листа с наброском «<Ра>йское селение». Особо подчеркнем, что большая часть фраз в наброске зачеркнута. Не содержат правки только строки, связанные с библейской образностью и использованием приема повтора, о котором речь пойдет ниже.

Еще одна метафора, связанная с православными мотивами, встречается в наброске «[О] Строгие равнины...»:

[О] Строгие равнины
 [о скудные]
 [Прозрачная вода]
 [о терпкая]
 [О жесткая вода]
 [Над вами свечкой синей]
 [Затеplилась звезда] [4, т. 7 (2), с. 66].

Впервые образ свечи-звезды возникает в 1914 г. в маленькой поэме «Русь»: «Я хочу верить в лучшее с бабами, // Тепля свечку вечерней звезды» [4, т. 2, с. 20]. Но особенно часто он встречается в произведениях 1917–1918 гг.: «Вечер синюю свечкой звезду // Над

дорогой моей засветил» [4, т. 1, с. 125]; «Свечкой чисточетверговой // Над тобой горит звезда» [4, т. 1, с. 126]; «Синнюю звездочку свечкой // Я пред тобой засвечу» [4, т. 2, с. 60]. Как видно, характерная для поэтики многих произведений Есенина рассматриваемого периода религиозная символика связана в том числе и с особым отношением к природе. Она предстает как храм, ее явления сопоставлены с богослужением, в связи с чем мотив молитвы является одним из ключевых. На эту особенность творчества поэта указали уже современники: К.В. Мочульский отметил «“литургичность” природы» в произведениях Есенина [10].

Согласно свидетельству В.С. Чернявского, в революционный период поэт был «весь во власти образов своей “есенинской Библии”» [15, с. 220]. В творчестве Есенина середины 1910-х гг. целый ряд произведений связан с образами Богородицы и Ее Сына. В частности, в рассматриваемый нами период созданы «О Матерь Божья...», «Товарищ», «Гляну в поле, гляну в небо...», «Октоих» (все — 1917). Один из набросков в тетради свидетельствует о замысле еще одного произведения, целиком посвященного Богородице, на что указывает заголовок «Дева Мария». Этот набросок особо выделяется среди других — в отличие от большинства, он озаглавлен и почти не содержит правки. Есенин целиком записал первую строфу произведения без каких-либо исправлений, очевидно, полностью продумав ее, и начал работать над второй:

Дева Мария
[на]
О время, время,
Зеленый кедр.
Под хвойной сенью
Незримый след.
[Кто проходил здесь]
[Кто] [4, т. 7 (2), с. 67].

«Незримый след» и размышления о том, кому он принадлежит, могут быть связаны не только с образом Богородицы, но и с образом Спасителя, на что указывает многозначный образ кедра. Возможно, это выросшее за длительное время дерево с раскидистыми ветвями — «хвойной сенью». Согласно славянской мифологии, кедр является символом бессмертия. В то же время не исключено, что подразумевается ливанский кедр, который в Евангелии является символом праведника и наряду с «Насаждением», «Древом» образно

характеризует человека, стремящегося постичь Учение («Насыщаются древа Господа, кедры Ливанские, которые Он насади» — Пс. 103:13). Образ кедр — как небесного («Шумит небесный кедр // Через туман и ров, // И на долину бед // Спадают шишки слов» [4, т. 2, с. 43]), так и земного («Но тихо дремлют кедры, // Обвесив сучья вниз» [4, т. 2, с. 44]) — возникнет в «Октоихе» (1917). Предположить, о чем конкретно должно было быть произведение, сложно. Но стоит обратить внимание на его метрику. Тем же размером с аналогичным способом рифмовки написано стихотворение о Рождестве Христовом «О Матерь Божья...» (1917), своеобразная «Богородичная молитва», где

Богоматерь выполняет <...> мироустроительную миссию. Ее благодатное участие преобразует весь природный космос, всю «мирскую весь», не оставляя без внимания даже самые малые, заброшенные и укромные уголки деревенской Руси <...>. Ее животворным энергиям подвластны и заря, и луна, и солнце [2, с. 42].

Эти совпадения (метрика, образ Богоматери) позволяют предположить, что «Дева Мария» является первоначальным наброском стихотворения «О Матерь Божья...», свидетельствующим об изменении его жанра и, возможно, тематики. Вспомним, что одинаковый метр использован также в наброске «[<нрзб.> твою мне чашу...]» и стихотворении «Серебристая дорога...», что было отмечено ранее.

В набросках встречается герой есенинской лирики — муза. Образ музы нечасто возникает в творчестве поэта. Впервые — в стихотворении «Я ль виноват, что я поэт...» (<1911–1912>), написанном во время учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, лирический герой которого, поэт, осознает свое призвание: «Ведь этот дар мне муза принесла» [4, т. 4, с. 23]. О юношеском желании стать поэтом Есенин скажет в маленькой поэме «Мой путь» <1925>: «Тогда в мозгу, // Влеченьем к музе сжатом, // Текли мечтанья // В тайной тишине...» [4, т. 2, с. 161]. Полностью обращено к музе стихотворение рассматриваемого периода «О муза, друг мой гибкий...» (1917). Оно посвящено становлению поэта и пронизано мотивами творческого самоутверждения, предчувствия большого пути. Тем более важно, что в набросках тетради 1917–1919 гг. этот образ встречается дважды. В обоих случаях подчеркнуты крестьянские корни поэта. Лирический герой наброска «Колесом на черную дорогу...», возможно, встречает на своем пути «сельскую» музу либо идет с ней по дороге: «[Я иду. Идти еще мне много] // <...> // [лю-

блю] // [и музу сель]ских» [4, т. 7 (2), с. 68], что сближает набросок со стихотворением «О муза, друг мой гибкий...», художественное пространство которого — сельская местность (поля и дол). В другом наброске прослеживается сюжет:

[<В> осень холодную муза, бродя по <дорогам>,
[<В> сельскую избу к крестьянке погреться <зашла>].
[<В> липовой зыбке в избушке качался младенец,
[<Пе> ла старуха о лебеде песню над ним.] [4, т. 7 (2), с. 69].

Е.А. Самоделова предполагает его возможное развитие:

...не наградит ли муза поэтическим даром младенца в благодарность за гостеприимство его матери? Не раздумье ли это Есенина над собственной судьбой, ведь здесь просматриваются автобиографические моменты: рождение ребенка в холодную осень в селе, песенный дар матери-крестьянки, стремление сына преданно служить поэзии? [11, с. 364].

Еще ряд отдельных черт поэтики позволяет провести параллели между рассматриваемыми набросками и произведениями Есенина этого периода. Начало одного из набросков представляет собой развернутую метафору: «Колесом на черную дорогу // Выкатился месяц из-за гор» [4, т. 7 (2), с. 68]. В этих строках, в отличие от дальнейшего текста, отсутствует правка. Очевидна их перекличка с образом из стихотворения «Нивы сжаты, рощи голы...» (1917): «Колесом за сини горы // Солнце тихое скатилось» [4, т. 1, с. 122]. В обоих случаях описано наступление ночи, упоминаются небесные светила, пространственными доминантами являются горы и дорога, употреблен цветовой эпитет. В основу стихотворения положена загадка: в первой строфе солнце скрывается за горы, в финале появляется месяц, так образно описывается наступление ночи и зимы. Набросок неизвестного произведения начинается с появления месяца, и далее здесь возникает мотив пути, поэтому в нем отсутствуют тематические и сюжетные переклички с произведением. Но важно, что, в отличие от наброска, в стихотворении поэт преобразовал метафору и сравнил не месяц, а солнце с колесом на основании сходства их формы. Этот образ был значим для Есенина. В теоретической статье «Ключи Марии» (1918) поэт предложил свою классификацию образов и назвал подобные образы «заставочными», приведя в пример: «Солнце — колесо, телец, заяц, белка» [4, т. 5, с. 205].

На обороте наброска «Эти ночи, эта свежесть...» есть зачеркнутая фраза «о яблочная свежесть» [4, т. 7 (2), с. 69]. Эпитет может как отражать реальное время (позднее лето или осень), так и метафорично передавать внутреннее состояние лирического героя. Неслучайно в лирике этого периода возникает образ яблока/яблони в качестве приметы осени — в природе («Хлесткий ветер в равнинную синь // Катит яблоки с тощих осин» [4, т. 1, с. 76]) и в жизни («Словно яблонный цвет, седина // У отца пролилась в бороде» [4, т. 1, с. 143], «Хорошо под осеннюю свежесть // Душу-яблоню ветром стяхать» [4, т. 1, с. 144]).

Два наброска — «Райские селения», «<Ра>йское селение» — могли быть созданы в связи с поездкой на север России летом 1917 г.: в первом из них упомянут топоним-тюркизм Аксайские долины, во втором — топонимы Кандалакша, Кемь, Кереть. В одном наброске угадывается описание северного берега, в котором сопоставлен белый снег с молоком:

[Молоком течет в]
[море] [вымыт молоком]
[Берег] [снежен берег белы<й>] [4, т. 7 (2), с. 63].

Подобные метафоры, основанные на цветовой идентичности, встречаются в ранней лирике поэта («...льется по равнинам // Березовое молоко» [4, т. 1, с. 40]) и в произведениях рассматриваемого периода: «Кто-то ласковые руки // Проливает молоком» [4, т. 1, с. 112], «Зачерпнуть молока берез» [4, т. 1, с. 154], «В вихре снится сонм умерших, // Молоко дымящий сад» [4, т. 2, с. 74].

В набросках 1917–1919 гг. явно прослеживается сквозной для творчества поэта мотив пути, причем он относится как к лирическому герою («Колесом на черную дорогу...»), так и к другим персонажам («Дева Мария», «<В> осень холодную муза, бродя по <дорогам>...»). Образ зимней дороги угадывается в наброске «<нрзб.> твою мне чашу...». На обороте «[О] Строгие равнины...» содержится описание дороги:

[Наша сельская дорога]
[Кремниста и суха]
[Месяц да]
[Проезжая]
[<нрзб.> дорога]
[<нрзб.> дорога] [4, т. 7 (2), с. 66–67].

Мотив пути представлен в творчестве поэта в разных аспектах. Если в 1915–1916 гг. он связан с мотивом ухода из отчего дома, то в 1917–1918 гг. становится одним из ведущих и отражает прежде всего желание лирического героя вернуться в родные места. Его сопряжение с мотивом возвращения, подчеркивающее верность своим корням, прослеживается в стихотворениях этого периода: «О край дождей и непогоды» (<1916–1917>), «Голубень» (<1916>), «Колокольчик среброзвонный...» (<1917>), «Гляну в поле, гляну в небо...» (1917), «Где ты, где ты, отчий дом...» (1917), «О пашни, пашни, пашни...» (1917). По наблюдению Е.Ю. Дрожжиной,

...в лирике этих лет особенно четко проявлен мотив дороги, которая становится для лирического героя не только символом ухода в поисках иной судьбы <...>, зовом неведомой дали <...>, но знаком желанного возвращения в родительский дом, к своим истокам, на родину [3, с. 418].

Хронотоп большинства рассматриваемых набросков связан с сельской местностью осенней ночью («[вечереет...]», «Тихой песней поселянина», «[О] Строгие равнины...», «[Взг...]», «Колесом на черную дорогу...», «Эти ночи, эта свежесть...», «[осень холодную муза, бродя по <дорогам>...]»). Подобный хронотоп характерен для лирических произведений 1917–1919 гг., а образ осени является одним из ключевых в творчестве поэта.

В наброске «<Ра>йское селение» видна работа Есенина над фразой, содержащей прием повтора:

I Далекo ты Кандалакша
 II Где ты где ты Кандалакша
 <...>
 I Синий берег где ты где
 II [Синий] Север милый где ты где? [4, т. 7 (2), с. 63]

Этот же повтор встречается в стихотворении «Где ты, где ты, отчий дом...» (1917). Данный прием актуализируется в зрелой лирике поэта.

Итак, сопоставление некоторых набросков с произведениями 1917–1919 гг. позволяет увидеть многочисленные параллели между ними. В набросках содержатся характерные для поэтики революционного периода образы, связанные с православными мотивами (зари-молитвенника, звезды-свечи); метафоры, основанные на загадке,

цветовой идентичности, многозначности слова; герои (Богоматерь, муза); один из ведущих в этот период мотив пути и типичный для лирики 1917–1919 гг. хронотоп (осенняя ночь). Более того, анализ текста «[<нрзб.> твою мне чашу...]» доказывает, что он является первоначальным наброском стихотворения «Серебристая дорога...» (1917) и выявляет библейские источники произведения. Поэтому наброски важны для понимания особенностей творческой лаборатории Есенина и поэтики его произведений данного периода как целостной художественной системы.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. Т. 17: Моршин–Никиш. 616 с.
2. Воронова О.Е. Национальный архетип «Светлого Гостя» в творчестве Сергея Есенина и Георгия Свиридова // Современное есениноведение. 2017. № 2 (41). С. 42–46.
3. Дрожжина Е.Ю. Мотив пути-дороги в жизни и творчестве Есенина // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. М.; Константиново; Рязань: ГМЗЕ, 2017. Ч. II. С. 414–425.
4. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука-Голос, 1995–2001.
5. Захаров А.Н. Есенин как философский поэт // Столетие Сергея Есенина. Междунар. симпозиум. Есенинский сб. М.: Наследие, 1997. Вып. III. С. 35–56.
6. Захаров А.Н. Предисловие // Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2 / ред. и предисл. А.Н. Захаров, сост. В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. С. 5–14.
7. Коржан В.В. Фольклор в творчестве Есенина // Есенин и русская поэзия. Л.: Наука, 1967. С. 194–254.
8. Кошечкин С.П. Комментарий // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 2000. Т. 7. Кн. 2. С. 62–64, 66–71.
9. Лепяхин В.В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // Икона в русской художественной литературе. М.: Отчий дом, 2002. С. 618–646.
10. Мочульский К.В. Мужичьи ясли. О творчестве С. Есенина // Звено. 1923. № 31. 3 сент.
11. Самоделова Е.А. Образ ребенка в творчестве и жизни Есенина // Сергей Есенин и русская школа: книга материалов Междунар. научно-практич. конф. Рязань: Пресса, 2003. С. 363–371.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. Т. 2: К–О. 736 с.
13. Старцев И.И. Мои встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и комм. А.А. Козловский. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 408–417.
14. Терехина В.Н. Как живой с живыми. Маяковский говорит с потомками со страниц записных книжек. URL: <https://poisknews.ru/literatura/kak-zhivoj-s-zhivymi-mayakovskij-govorit-s-potomkami-so-stranicz-zapisnyh-knizhek/> (дата обращения: 26.08.2023).

15. *Чернявский В.С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С.А. Есенин в воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и комм. А.А. Козловский. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 198–235.

16. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 688 с.

17. *Куклев В.* Путь // Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель; АСТ, 2004. С. 407–409.

Research Article

S.A. Esenin's Sketches: To the Origins of the Poet's Creative Ideas

© 2023. Alla A. Nikolaeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01173: “The Manuscript Heritage of S.A. Esenin: Problems of Study” (<https://rscf.ru/project/23-28-01173/>).

Abstract: The article for the first time analyzes in detail the rough notes of words and poetic lines of S.A. Esenin, which the poet's draft notebook (1917–1919) preserved though it was partly burned in a fire in Konstantinovo in 1929. This unique draft notebook has a special place in the manuscript heritage of Esenin, who did not keep notebooks and diaries. The established semantic and figurative echoes of the text about the cup and the poem “The Silver Road...” (1917) allow us to consider the sketch as the original version of the poem, to witness the author's intention changing and to reveal the biblical sources of the text. The unrealized idea of the work “Virgin Mary” in the context of Esenin's creative work reveals its connection with the poem “O Mother of God...” (1917). The sketches are rich of images distinctive for the revolutionary period poetics, associated with Orthodox motifs (dawn-prayer book, star-candles); metaphors based on a riddle, color identity, polysemy of a word; characters (Mother of God, the muse); one of the leading motifs in this period (the way) and typical for the lyrics of 1917–1919 chronotope (autumn night). The comparison of the figurative-motif complex, rhythmic, techniques, chronotope confirms the relationship of the poetics of sketches and Esenin's complete works. The study of the sketches proves that even Esenin's brief notes show how carefully the poet were thinking over the figurative and motif complex of his works.

Keywords: S.A. Esenin, sketches, draft notebook, poetics.

Information about the author: Alla A. Nikolaeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Scientific Secretary of the Esenin Group, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4323-5868>

E-mail: allanikolaeva27@mail.ru

For citation: Nikolaeva, A.A. “S.A. Esenin’s Sketches: To the Origins of the Poet’s Creative Ideas.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 162–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-162-177>

References

1. Prokhorov, A.M., editor. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia: v 30 t.* [*The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols.*], vol. 17: Morshin–Nikish [Morshin–Nikish]. 3rd ed. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1974. 616 p. (In Russ.)
2. Voronova, O.E. “Natsional’nyi arkhetyip ‘Svetlogo Gostia’ v tvorchestve Sergeia Esenina i Georgiia Sviridova” [“The National Archetype of the ‘Light Guest’ in Sergey Esenin’s and Georgy Sviridov’s Creative Work”]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 2 (41), 2017, pp. 42–46. (In Russ.)
3. Drozhzhina, E.Iu. “Motiv puti-dorogi v zhizni i tvorchestve Esenina” [“The Motif of the Way-Roads in the Life and Work of Esenin”]. *Sergei Esenin: Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha* [*Sergey Esenin: Personality. Creative Works. Epoch*], part 2. Moscow, Ryazan, Konstantinovo, State Museum of S.A. Esenin Publ., 2017, pp. 414–426. (In Russ.)
4. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1995–2001. (In Russ.)
5. Zakharov, A.N. “Esenin kak filosofskii poet” [“Esenin as a Philosophical Poet”]. *Stoletie Sergeia Esenina. Eseninskii sbornik* [*The Centenary of Sergey Esenin. Esenin Collection*], issue 3. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 35–56. (In Russ.)
6. Zakharov, A.N. “Predislovie” [“Foreword”]. *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [*Chronicle of the Life and Work of S.A. Esenin: in 5 vols. (7 books)*], vol. 2, ed. and foreword by A.N. Zakharov, comp. by V.A. Drozdokov, A.N. Zakharov, T.K. Savchenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 5–14. (In Russ.)
7. Korzhan, V.V. “Fol’klor v tvorchestve Esenina” [“Folklore in Esenin’s Works”]. *Esenin i russkaia poeziia* [*Esenin and Russian Poetry*]. Leningrad, Nauka Publ, 1967, pp. 194–254. (In Russ.)
8. Koshechkin, S.P. “Kommentarii” [“Commentaries”]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], vol. 7, book 2. Moscow, Nauka, Golos Publ., 2000, pp. 62–64, 66–71. (In Russ.)
9. Lepakhin, V.V. “Ikonichnost’ dvuedinogo mira v lirike Sergeia Esenina” [“The Iconicity of the Dual World in the Lyrics of Sergey Esenin”]. *Ikona v russkoi khudozhestvennoi literature* [*Icon in Russian Fiction*]. Moscow, Otchii dom Publ., 2002, pp. 618–646. (In Russ.)
10. Mochul’skii, K.V. “Muzhich’i iasli. O tvorchestve S. Esenina” [“Peasant Manger. About S. Esenin’s Work”]. *Zveno*, September 3, no. 31, 1923. (In Russ.)
11. Samodelova, E.A. “Obraz rebenka v tvorchestve i zhizni Esenina” [“The Image of a Child in Esenin’s Work and Life”]. *Sergei Esenin i russkaia shkola: kniga materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Sergey Esenin and the Russian*

School: A Book of Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ryazan, Pressa Publ., 2003, pp. 363–371. (In Russ.)

12. Evgen'eva, A.P., editor. *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [*Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.*], vol. 2: К–О [К–О]. 3rd ed., stereotype. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1986. 736 p. (In Russ.)

13. Startsev, I.I. “Moi vstrechi s Eseninym” [“My Meetings with Esenin”]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [*S.A. Esenin in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 1, introd., ed. and comm. by A.A. Kozlovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986, pp. 408–417. (In Russ.)

14. Terekhina, V.N. *Kak zhivoi s zhivymi. Maiakovskii govorit s potomkami so stranits zapisnykh knizhek* [*Like Living with the Living. Mayakovsky Speaks to Descendants from the Pages of Notebooks*]. Available at: <https://poisknews.ru/literatura/kak-zhivoi-s-zhivymi-maiakovskij-govorit-s-potomkami-so-stranicz-zapisnyh-knizhek/> (Accessed 26 August 2023). (In Russ.)

15. Cherniavskii, V.S. “Tri epokhi vstrech (1915–1925)” [“Three Eras of Meetings (1915–1925)”]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [*S.A. Esenin in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 1, introd., ed. and comm. by A.A. Kozlovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986, pp. 198–235. (In Russ.)

16. Shubnikova-Guseva, N.I. *Poemy Esenina ot “Proroka” do “Chernogo cheloveka”*: *Tvorcheskaia istoriia, sud'ba, kontekst i interpretatsiia* [*Esenin's Poems from the “Prophet” to the “Black Man”: Creative History, Fate, Context and Interpretation*]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2001. 688 p. (In Russ.)

17. Kuklev, V. “Put’” [“Path”]. *Entsiklopediia. Simvol'y, znaki, emblemy* [*Encyclopedia. Symbols, Signs, Emblems*], authors-comp. V. Andreeva et al. Moscow, Astrel', AST Publ., 2004, pp. 407–409. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.10.2023

Одобрена после рецензирования: 02.11.2023

Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 20.10.2023

Approved after reviewing: 02.11.2023

Date of publication: 25.12.2023